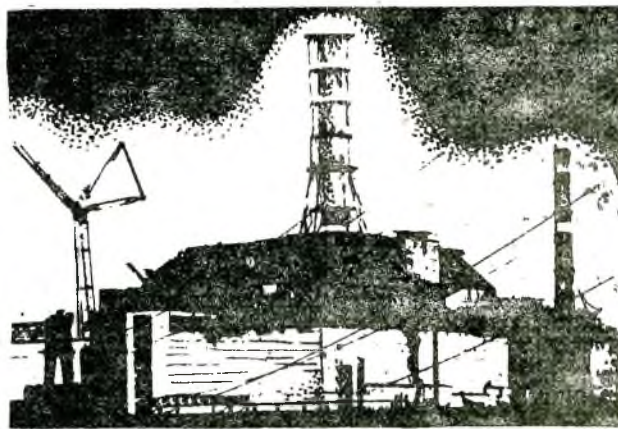

Правда из „саркофага“

«СТАЛКЕРЫ» — так были названы в одном известном русском фантастическом романе люди, оказавшиеся в аду, в который ими же была превращена Земля. Так же именуют себя ученые из стран СНГ, работающие в чернобыльском «саркофаге», чтобы установить фактические масштабы катастрофы 26 апреля 1986 года.

Многое из того, что за последние годы было вынута изнутри, просто валится в кучу, говорится в докладе о тяжелейшей в истории мирного использования ядерной энергии катастрофе. Эти данные можно найти пока в неопубликованном сборнике Московского института им. И. В. Курчатова, имеющего высокий авторитет в лученом мире.

Утверждается, что разные ученые с самого начала высказывали опасения, что данные о катастрофе, распространяемые советской стороной в мире, были сильно приглажены. В мае 1986 года официальные органы бывшего Советского Союза сообщили, что в результате аварии в окружающей среде было выброшено около 3,5 процента радиоактивного топлива. Полпроцента осело на здании реактора, два — в радиусе двадцати километров и остальные 1—1,5 процента на большем удалении. Согласно этих данных, порядка 96,5 процента радиоактивного топлива осталось в реакторе. Эти цифры были повторно обнародованы на заседании МАГАТЭ осенью 1986 года.

Уже тогда западные организации, обеспокоенные масштабами зараженной местности, оценивали количество оставшегося в реакторе топлива не в пределах 96,5 процента, а лишь 70 процентов. По последним предположениям и эта цифра представляется завышенной.

Один из ученых от СНГ, который не пожелал, чтобы его фамилия фигурировала в прессе, рассказал, что расчеты мая 1986 года были значительно упрощены и базировались лишь на предположениях, следовательно, расчеты и модели того периода нельзя считать убедительными.

К моменту аварии в 4-м блоке находилось 1659 топливных элементов с 216 тоннами окиси урана. Из них на сегодняшний день найдены от 23 до 33 тонн, что составляет примерно 11—15 процентов. Возможно, не все топливо, оставшееся в реакторе, не найдено, однако по реальным оценкам его количество не превышает 30 процентов. Тому, что эти данные сегодня стали доступны общественности, мы должны быть благодарны смертельно опасной работе чернобыльских «сталкеров». Они за это время проникли в большинство помещений, спрятанных под «саркофагом», измерили уровни радиации, температуру, взяли пробы и провели съемки.

Непосредственно после аварии в 1986 году радиоактивное загрязнение помещений, к примеру, под осевшим на че-

тыре метра полом реактора было настолько высоким, что даже сами специалисты не решались туда заходить.

Начиная с 1988 года начали бурить отверстия сквозь сплав бетона, стали, оставшегося топлива и устанавливать приборы измерений нейтронного и гамма-излучения, а также для проведения температурного режима. На то время самая высокая температура была зафиксирована 210°C в отдельных местах. Сегодня температура не превышает 100°C где бы то ни было. Внутри «саркофага», а именно в тех помещениях, где работают люди, температура составляет 15°C.

В начале июня 1990 года в некоторых помещениях были произведены нейтронные измерения. Спустя три недели интенсивность излучения удвоилась, а в конце июня увеличилась в 40 раз. Вполне очевидно, что вода, проникшая внутрь через отверстия в крыше, вызвала цепную реакцию. И лишь после залива на критические участки однопроцентного гадолинового раствора (нейтронное протравление) нейтронная энергия вернулась на свои июньские показатели.

Обнаруженное в «саркофаге» топливо в значительной степени представляет собой коричневую или черную лаву. При расплавлении в апреле 1986 года жидкое топливо смешалось с расплавленным цементом. Это происходило в основном в нижних помещениях, где сейчас находится большое коли-

чество затвердевшего вещества, состоящего из стекла, керамики и пемзы. (Никаких исследований, подтверждающих, что топливо плавилось, не проводилось. Плавление песка и бетона являются гипотезой 1986 года, которая подтверждения в экспериментальных исследованиях также пока не получила. — Ред.).

Строительные элементы на более 60 процентов состоят из окиси кремния, от 2 до 10 процентов окиси кальция, от 3 до 10 процентов окиси урана. В более чем ста процентном количестве окиси калия и циркония. На некоторых участках прослеживаются желтые пятна, состоящие главным образом из соединений урана. В более чем ста пробах лавы, которая изучалась Институтом радиохимии в Санкт-Петербурге, содержание радиоактивного материала составило 3—9 процентов.

Два вертикальных потока, наверное, пришли через вентили и трубы, пропускаящие пар почти до основания реакторного помещения. На одном из верхних этажей прошел горизонтальный поток лавы, которая затем через открытые двери проникла в различные проходы и помещения. Через одно из отверстий пола лава вылилась на нижний этаж.

В коридорах можно наблюдать три причудливых образования, напоминающие ноги слона, а также два сталактита: большой и маленький.

Каким бы незначительным не было количество

радиоактивного материала, считать, что угроза для хлебнувшего горя населения миновала — нельзя. «Саркофаг» имеет многочисленные трещины, щели и отверстия, через реактор на некоторых участках пронисится ветер со скоростью порядка четырех метров в секунду. Таким образом выдуваются из «саркофага» радиоактивные частицы. Через отверстия в крыше в реактор и машинный зал попадают тысячи литров дождевой воды. Эта вода может вызвать цепную реакцию.

Исходя из этих проблем запланировано сооружение нового «саркофага» над ныне существующим. И если действительно в реакторе осталось относительно мало радиоактивного материала, новое сооружение может быть построено таким образом, чтобы исключить атмосферное распространение радиоактивных частиц, а также попадание внутрь атмосферных осадков.

Однако это еще не все проблемы. Никто не знает точного количества оставшегося в разрушенном реакторе топлива, поэтому так медленно ведется разработка надежной защиты «саркофага». Она должна быть надежной как в экологическом, так и в техническом плане, так как новый объект должен простоять многие десятилетия.

Учитывая тяжелейшее финансовое положение бывших республик СССР, строительство надежной защиты разрушенного реактора силами стран СНГ невозможно. Смириться же с существующей несовершенной защитой безответственно по отношению прежде всего к пострадавшему населению близлежащих районов Беларуси и Украины.

Хайнц-Йорг ХАУРИ,
руководитель отдела по работе с общественностью при Исследовательском центре по вопросам здравоохранения и охраны окружающей среды в городе Нойхарберг. [ФРГ].
Перевод

Н. ПЕТРЕНКО.